

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.3>

Гулин Александр Вадимович

ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ НЕЗАВЕРШЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО "КНЯЗЬ ФЕДОР ЩЕТИНИН"

Статья посвящена изучению реальной первоосновы одного из наиболее загадочных творческих замыслов Льва Толстого - незавершенного произведения "Князь Федор Щетинин". Анализируются гипотезы о времени написания, а также исторических источниках фрагмента, высказанные отечественными толстоведом XX века. Критически исследуется версия о В. А. Перовском и А. Н. Барятинском как прообразах главных действующих лиц произведения. В качестве вероятной первоосновы несостоявшегося замысла впервые рассматриваются события на кавказском театре Крымской (Восточной) войны 1853-1856 годов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(88). Ч. 1. С. 17-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82(091); 82-3; 82-32; 801.73; 82:801.6
<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.3>

Дата поступления рукописи: 22.07.2018

Статья посвящена изучению реальной первоосновы одного из наиболее загадочных творческих замыслов Льва Толстого – незавершенного произведения «Князь Федор Щетинин». Анализируются гипотезы о времени написания, а также исторических источниках фрагмента, высказанные отечественными толстоведом XX века. Критически исследуется версия о В. А. Перовском и А. Н. Барятинском как прообразах главных действующих лиц произведения. В качестве вероятной первоосновы несостоявшегося замысла впервые рассматриваются события на кавказском театре Крымской (Восточной) войны 1853-1856 годов.

Ключевые слова и фразы: Лев Толстой; Федор Щетинин; Барятинский; Соллогуб; Перовский; николаевская эпоха; Крымская война.

Гулин Александр Вадимович, д. филол. н.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
gulinimli@yandex.ru*

ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ НЕЗАВЕРШЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ ФЕДОР ЩЕТИНИН»

«Князь Федор Щетинин» – исторический замысел Толстого, где на основании сказанного писателем невозможно установить со всей определенностью реальный контекст повествования. В существующих четырех вариантах начала незавершенной повести или романа (15 листов, исписанных с двух сторон) нет ни одного точного указания места и времени действия. Говорится только, что события происходят на юге России у границы, в городке, где стоят по окончании войны русские войска. Основу сюжета во всех вариантах начала произведения составляет конфликт между героем войны генералом Щетининым и недавно прибывшим к армии новым командующим, который несправедливо обошел Щетинина в послевоенных назначениях на командные должности. При этом названные Толстым реальные подробности, будучи отнесенными к тому или иному событию отечественной истории, вступают в противоречие с другими упомянутыми в рукописи историческими и географическими деталями.

С вопросом о реальной первооснове произведения тесно связана проблема его датировки. Прямые свидетельства о работе Толстого над «Князем Федором Щетининым» отсутствуют. Исследователи творчества писателя до сих пор вынуждены опираться в своих суждениях о времени создания этих четырех взаимосвязанных фрагментов на косвенные сведения из писем и дневников художника и близких к нему лиц. Настоящая статья также не претендует на окончательное прояснение вопроса. В ней предполагается критически осмыслить опыт предшественников и высказать некоторые новые гипотезы о времени работы художника над незавершенным произведением и его источниках.

Начиная с публикации П. С. Поповым в 1835 году в «Литературном наследстве» одного из фрагментов произведения, стало привычным относить его создание к концу 1877 – первым месяцам 1878 года, то есть времени по окончании многолетней работы Толстого над романом «Анна Каренина». Свою точку зрения Попов особенно подробно аргументировал в 1936 г. в комментарии к тексту «Князя Федора Щетинина» на страницах Юбилейного собрания сочинений Толстого [5, с. 689-692]. В 1963 году с известной осторожностью позицию Попова поддержал также Н. Н. Гусев [1, с. 462-464].

Главными аргументами в пользу того, что работа над «Князем Федором Щетининым» относится к рубежу 1877-1878 годов, для Попова и Гусева стали документальные свидетельства о появившемся у Толстого в это время интересе к начальному периоду царствования Николая I и замыслах произведения на материале николаевской эпохи. Тогда же в поле зрения Толстого оказалась Русско-турецкая война 1828-1829 годов.

Заинтересованность писателя далекой по времени войной, видимо, не в последнюю очередь объяснялась современными Толстому событиями. Новая война России с Турцией, начавшаяся в апреле 1877 года, разворачивалась на том же самом театре боевых действий, что и противостояние первых лет николаевского царствования. Дунайские княжества, Бухарест, Варна, Адрианополь и главная цель многолетних устремлений России на Балканах – Константинополь снова привлекали внимание всей страны. Очевидно, личное знакомство Толстого по службе в 1854 году в Бухаресте, под Силистрией и в Кишиневе с местами, расположенными вблизи от театра новой войны, сообщало восприятию писателем современной военной хроники особенно реальный характер.

В переписке Толстого за 1877 год содержатся самые заинтересованные, глубоко личные по тональности отклики на ход военных действий в Болгарии, а также на другом – кавказском театре войны. 6 ноября в письме Н. Н. Страхову Толстой называл одну из причин упадка душевных сил, который в настоящее время он испытывает: «...мучительная эта война» [8, с. 347]. Одновременно с переживаниями нравственными писатель, очевидно, был угнетен также неудачами русского оружия под Плевной. Несколько дней спустя – 11-12 ноября в письме А. А. Фету говорится: «Слава Богу, что Карс взяли. Перестало быть совестно» [Там же, с. 349]. И тогда же Толстой обращается к Страхову: «Дорогой Николай Николаевич. Пожалуйста, будьте так добры, придумайте и посоветуйте, что есть о первом времени Николая Павловича и специально о войне 28, 29 года. И что есть, купите и пришлите» [Там же].

Среди купленных Страховым по просьбе Толстого и отправленных в Ясную Поляну книг были «Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов» Н. Лукьяновича (СПб., 1844, Ч. 1-4) и «История жизни и царствования

российского императора Николая I» французского историка П. Лакруа (Lacroix P. Histoire de la vie et du regne de Nicolas I, l'empereur de Russie (1864-1875)). Возможно, Толстой получил и какие-то еще исторические сочинения, но именно эти книги упоминаются в его переписке тех дней со Страховым.

Увлечение Толстого эпохой Николая I отразилось и в дневнике С. А. Толстой, отметившей 8 января 1878 года: «Теперь Льва Николаевича заинтересовало время Николая I, а главное, Турецкая война 1829 года» [4, с. 505].

Еще одно обстоятельство, от которого отталкивался П. С. Попов, предлагая свою датировку работы Толстого над «Князем Федором Щетининым», – интерес, проявленный писателем почти одновременно с изучением материалов о Турецкой войне к личности видного государственного деятеля графа Василия Алексеевича Перовского (1794-1857) – Оренбургского военного губернатора, одного из наиболее ярких людей николаевской эпохи. В 1860-е годы Перовский уже оказывался в поле зрения Толстого-художника: его записки о войне 1812 года стали основным источником глав «Войны и мира», посвященных пребыванию Пьера Безухова во французском плену. Писателя в то время не столько привлекала личность мемуариста, сколько интересовали сообщенные им исторические подробности и положения. В первые месяцы 1878 года Толстой увлекся именно колоритной фигурой Перовского. Поскольку тот принимал участие в Русско-турецкой войне 1828-1829 годов, не исключено, что его личность первоначально заинтересовала писателя именно в связи с изучением военных материалов.

Тем не менее первые упоминания Перовского в письмах Толстого за 1878 год связаны не с Турецкой войной, а с более поздним его губернаторством в Оренбурге. Очевидно, писатель не мог определиться в выборе материала для произведения о николаевской эпохе и одновременно обдумывал несколько сюжетов. Может быть, разные сюжетные линии должны были выстроиться со временем в большое историческое полотно.

Среди лиц, близких Толстому, Перовского хорошо знала и была к нему глубоко привязана двоюродная тетка писателя и его многолетний корреспондент А. А. Толстая. В свое время она побывала в Оренбурге, где под командованием Перовского служил ее брат И. А. Толстой, а впоследствии находилась при умиравшем Перовском в последние дни его жизни. 3 января 1878 года писатель обратился к А. А. Толстой из Ясной Поляны: «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время – Перовского. Теперь я привез из Москвы целую кучу матерьялов для этого. Я сам не знаю, возможно ли описывать В. А. Пер[овского] и, если бы и было возможно, стал ли бы я описывать его; но все, что касается его, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично» [8, с. 371-372]. Толстой интересовался, нельзя ли получить у родных Перовского и у самой Александры Андреевны его бумаги и письма для ознакомления. В тот же день он написал своему давнему консультанту по историческим вопросам издателю журнала «Русский архив» П. И. Бартеневу, с которым несколькими днями ранее, перед Новым годом, встречался в Москве: «Петр Иванович! Очень обяжете меня, если пришлете номера Архива, где записки Даля о Хив[инском] походе; я у себя не найду. Если что вспомните из того, о чем мы говорили, или вообще из времен Николая характерное, вспомните вашего искренне[го] приятеля Л. Толстого» [Там же, с. 366-367]. Здесь идет речь о неудачном для России тяжелом и кровопролитном Хивинском походе 1839 года, проводившемся по инициативе Перовского и под его командованием.

О том, что Перовский интересует его в связи с пока еще не ясным большим историческим замыслом, Толстой признавался в следующем по времени письме к своей двоюродной тетке от 27(?) января: «Перовского личность вы совершенно верно определяете – à grands traits (большого размаха), таким и я представляю себе; и такая фигура – одна наполняющая картину – биография его – была бы груба, но с другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нежными характерами, как Жуковский даже, которого вы, кажется, хорошо знали, с другими и, главное, с декабристами, эта крупная фигура, составляющая тень (оттенок) к Ник[олаю] Па[вловичу] – самой крупной и à grands traits фигуре, выражает вполне то время» [Там же, с. 383-384].

В марте 1878 года Толстой после перерыва, продолжавшегося девятнадцать лет, побывал в Санкт-Петербурге. Здесь он встречался с А. А. Толстой. Тогда же писатель получил от своей родственницы письма Перовского к разным лицам, в том числе к ней самой, и, с условием возврата, увез их для работы в Ясную Поляну. Между тем в переписке Толстого имя В. А. Перовского больше не упоминается. Почти год спустя в январе 1879 года Толстой, также в связи со своими творческими планами, проявил интерес уже к личности его родного брата, министра внутренних дел и министра уделов во вторую половину николаевского царствования Льва Алексеевича Перовского (1792-1856). За биографическими сведениями о нем писатель обращался к той же А. А. Толстой.

П. С. Попов находил, что В. А. Перовский вполне мог оказаться прототипом князя Федора Щетинина. Комментарий так обосновывал свою точку зрения: «Несомненно внешнее сходство (курчавые усы и т.п.). Перовский, как и Щетинин, был участником русско-турецкой войны. В 1828 г. он принимал участие во взятии Варны и был ранен в левую сторону груди. В том же году он произведен в генерал-майоры и получил орден Анны первой степени. Федор Щетинин в изображении Толстого – генерал-майор с золотой саблей, Владимиром с мечом и звездой; он ранен во время турецкой войны и ходит с костылем» [5, с. 691]. В качестве одной из вероятных Попов предлагал следующую версию происхождения фамилии героя произведения: «...возможно предположить, что Толстой трансформировал фамилию Перовского на основании ассоциации слов: *перо* – *щетина*, таким образом Перовский превратился в Щетинина (аналогично у Толстого – из “Ясная поляна” – “Лысые горы”» [Там же]. Впрочем, на своих предположениях комментатор не настаивал: «Ввиду того, что от “Федора Щетинина” мы имеем только наброски, нет достаточного материала, чтобы составить себе полную картину замысла романа в целом, также и о степени близости Щетинина Перовскому можно судить лишь условно» [Там же, с. 690-691].

Даже если допустить, что «Князь Федор Щетинин» – единственный памятник работы Толстого над произведением о времени Николая I, связь этого замысла с материалом русско-турецкой войны 1828-1829 годов, как, впрочем, и с интересом писателя к личности Перовского, не находит строго документального подтверждения.

Изучение помет Толстого на яснополянских экземплярах книг Лукьяновича и де Лакруа показывает, что между содержанием отмеченных Толстым фрагментов и текстом незавершенного произведения нет видимых точек соприкосновения. В истории Лукьяновича писатель выделил, прежде всего, подробности хода военных действий. В сочинении французского автора из двух томов, находящихся в Ясной Поляне, второй остался неразрезанным. Первый же том, внимательно прочитанный Толстым, освещает биографию Николая I до его восшествия на престол в бытность великим князем и войну с Турцией не захватывает. Писателя, в первую очередь, интересовали здесь характер будущего государя и обстоятельства становления его личности.

Четыре существующих варианта начала «Князя Федора Щетинина» не содержат никаких определенных указаний на то, что действие происходит именно после войны 1828-1829 годов. Подробности, упомянутые Толстым, в одних случаях укладываются в эту версию, во многих других – ей противоречат. Например, в описании раннего утра из Второго начала произведения сказано: «Солнце только что ало поднялось из-за гор... и разводило свои блестящие дорожки по морю, рябившему от легкого ветра» [9, с. 149]. Далее говорится о том, что море находится именно на западе. Маловероятно, что подобную картину можно было наблюдать на балканском театре русско-турецкой войны, где солнце вставало не над горами, а над морем. Указанная Толстым продолжительность боевых действий – 2 года (сначала было написано – 3 года) также не обязательно должна относиться к русско-турецкой войне, происходившей в начале николаевского царствования. Изображение личности русского командующего, характера его отношений с подчиненными, описание города и местности, где стоят войска, особенностей послевоенного офицерского быта тоже не имеют сколько-нибудь определенной аналогии в истории войны 1828-1829 годов. Ни граф И. И. Дибич, фактически руководивший тогда русской армией при уже немолодом главнокомандующем П. Х. Витгенштейне, ни будущий граф П. Д. Киселев, ставший по окончании войны управляющим Дунайскими княжествами и некоторое время спустя – командиром расположенного в тех местах отдельного корпуса, не угадываются в чертах показанного Толстым военачальника и администратора. Можно утверждать лишь то, что действие в каждом из начал произведения разворачивается в XIX веке и не относится к русско-турецким войнам предыдущего столетия. На это ясно указывают подробности в описании рабочего стола Щетинина (Третье начало), слова о том, что предкам командующего князя Мещеринова «дала Екатерина 40 тысяч десятин» (Первое начало) [Там же, с. 148], и некоторые другие исторические детали.

Найти аналогию с личностью В. А. Перовского в тексте «Князя Федора Щетинина» также весьма затруднительно. Будущий Оренбургский генерал-губернатор участвовал в Турецкой кампании 1828-1829 годов на ее начальном этапе и после тяжелого ранения под Варной (за две недели до взятия крепости) больше на театр военных действий не возвращался. Для психологической характеристики героя произведения Толстому были важны его отношения с женой, которую Щетинин оставил в России. Перовский никогда не был женат и, в отличие от Щетинина, пошел на войну не добровольцем, под влиянием патриотического порыва, а находясь к тому времени на службе. В момент открытия боевых действий он находился со служебным поручением на Северном Кавказе и принял деятельное участие во взятии турецкой крепости Анапа. В свою очередь, упоминание о том, что «Щетинины были древняя фамилия» (Первое начало), также не может быть отнесено к Перовскому – одному из сыновей графа во втором поколении А. К. Разумовского от непризнанного гражданского брака.

Отмеченное П. С. Поповым портретное сходство между Перовским и Щетининым также является труднодоказуемым. Характеристики, которые даются Щетинину в Третьем начале произведения («курчавый душистый ус» [Там же, с. 152], «Лицо и фигура входившего напоминали волка с его длинными голеньями, широким лбом и умными навывкате глазами» [Там же, с. 153]), позволяют как находить, так и отрицать внешнее сходство между ним и прижизненными изображениями Перовского, главными из которых являются портреты К. Ф. Брюллова.

Гораздо больше определенности существует в вопросе о реальном прообразе показанного Толстым начальника князя Щетинина. В различных вариантах начала произведения этот персонаж получает разные имена: князь Федор Мещеринов (Первое начало), князь Михайла Острожский (Второе начало), князь П. Б. (Третье начало). В конспекте Четвертого начала он обозначен как Бярятинский. Это обстоятельство позволило П. С. Попову утверждать, что «в лице начальника Ф. Щетинина Толстой описал кн. Александра Ивановича Бярятинского (1814-1879), главнокомандующего кавказской армией» [5, с. 692]. О намерении Толстого изобразить в лице командующего из «Князя Федора Щетинина» знаменитого покорителя Кавказа говорил также Н. Н. Гусев.

В годы своей жизни на Кавказе Толстой был представлен Бярятинскому – тогда командующему левым флангом Кавказской линии – и впоследствии еще несколько раз встречался с ним. Летом 1851 года писатель добровольцем в составе отряда, который возглавлял Бярятинский, участвовал в походе на территорию горной Чечни. События этого похода составили сюжетную основу рассказа «Набег», а генерал, изображенный в рассказе, отдельными чертами напоминал известного русского военачальника. Это сходство, а также критический акцент в обрисовке образа, хотя и заметно смягченный в окончательной редакции по сравнению с черновиками «Набега», одно время даже вызывали у Толстого тревогу. «Меня сильно беспокоит то, – записал он в дневнике 30 апреля 1853 года, – что Бярятинский узнает себя в рассказе “Набег”» [6, с. 160].

Именно знакомство с Бярятинским стало одной из главных причин, побудивших Толстого поступить на военную службу. По этому поводу находившийся вместе с ним на Кавказе брат писателя Н. Н. Толстой сообщал ему в августе 1851 года вскоре после состоявшегося похода: «Кн. Бярятинский очень хорошо отзывается об тебе, ты кажется ему понравился, и ему хочется тебя завербовать» [7, с. 116]. Сам Толстой писал в это время Т. А. Ергольской: «Многие мне советуют поступить на службу здесь и, в особенности, князь Бярятинский, которого протекция всемогуща» (перевод с французского. – А. Г.) [Там же, с. 115]. Одновременно покровительство со стороны крупного военачальника и потомка Рюрика вызывало у писателя чувство неловкости в общении

с ним и, вероятно, заставляло страдать его самолюбие. Известная близость сословного положения только подчеркивала служебную дистанцию, разделявшую Толстого и Бярятинского. В письме брату Сергею Николаевичу от 23 декабря 1851 года Толстой сообщает: «Знакомство это без сомнения не доставляет мне большого развлечения, потому что ты понимаешь, на какой ноге может быть знаком юнкер с генералом» [Там же, с. 132]. Личность Бярятинского в годы военной службы на Кавказе вызывала у Толстого противоречивые чувства.

Летом 1853 года Толстой, разочарованный в возможности быстрой военной карьеры, считая себя несправедливо обойденным в наградах, написал Бярятинскому возмущенное письмо, так и оставшееся неотправленным. Нельзя исключать, что, изображая на страницах «Князя Федора Щетинина» психологические подробности конфликта между обойденным в назначении главным героем и русским командующим, Толстой до некоторой степени учитывал эти обстоятельства собственной биографии. Возможно также, что писатель попытался развить на страницах произведения в свое время так и оставшийся неразрешенным внутренний конфликт.

На близость образа командующего реальному действующему лицу русской истории указывает целый ряд подробностей, которые обнаруживаются в незавершенном произведении: тесные связи генерала с сильными мира сего, дружественно-аристократическая манера в обращении с подчиненными. Так же и Бярятинского высоко ценили при дворе: он смолodu был другом великого князя Александра Николаевича – впоследствии императора Александра II. Почти легендарным стало равнодушие Бярятинского, долгие годы остававшегося холостым, к слабому полу. Аристократическое воспитание генерала, почти всегда находившего способ влиять на окружающих в мягком покровительственном духе, также отмечалось многими современниками.

Вместе с тем историческая фигура Бярятинского в качестве прототипа одного из действующих лиц произведения никак не соотносится с реалиями войны 1828-1829 годов. Военная карьера юного в ту пору князя началась только несколько лет спустя на Кавказе. В этой связи появляются основания отнести действие «Князя Федора Щетинина» не к русско-турецкой войне первого николаевского десятилетия, но к событиям, гораздо более близким Толстому по времени. Это может быть осень 1856 года, когда Бярятинский после довольно продолжительного отсутствия приехал в Тифлис уже в качестве исполняющего обязанности наместника царя на Кавказе и командующего расположенным здесь русским корпусом. Он заменил недавнего покорителя Карса Н. Н. Муравьева. Бярятинскому было тогда сорок два года. В вариантах Первого начала произведения у Толстого сначала появилось указание – 40 лет, потом исправленное на 34 года. Хронологически события совпали с окончанием Крымской (Восточной) войны и отводом русских войск на кавказском театре боевых действий из Турции в пределы Российской империи.

Хотя это предположение, как и в случае с войной 1828-1829 годов, не вполне согласуется с показанной на страницах «Князя Федора Щетинина» исторической картиной, оно находит и некоторые серьезные подтверждения. Прежде всего, несмотря на малое сходство Тифлиса с упомянутым у Толстого южным приморским городком, это касается многочисленных подробностей послевоенной жизни, а также изображения личности командующего и всеобщего энтузиазма, вызванного его приездом. Отчасти это предположение разрешает также географическую проблему с морем, расположенным на западе.

Во втором начале «Князя Федора Щетинина», где командующий назван Михайлой Острожским, передается атмосфера шумного веселья и радости жизни, установившаяся в городке по приезде к войскам нового начальника: «Острожский, молодой красавец, сильный по связям, холостой, богат, независимый начальник края, жил царем в маленьком и прелестном южном городке, окружив себя блестящей военной самовластной роскошью, и жизнь для главных лиц войска, особенно после трудов, лишений и опасностей войны, была для молодых военных волшебной обворожительной. Красивейшие женщины края, под разными предлогами, столпились в городке, и жизнь города была ряд гуляний, балов, музыка, обеды, все это с военным блеском, военной веселой беспечностью и военной самовластностью» [9, с. 49]. Находившийся в 1856 году при штабе царского наместника П. Николаев свидетельствовал: «Мы, молодежь, положительно блаженствовали; во-первых, начальством являлась рыцарская, грандиозная фигура князя Бярятинского, а затем и самая жизнь наша была так оригинальна, так мало походила на строй жизни в какой бы то ни было стране, что под этим южным небом, посреди чудной природы, душа постоянно находилась в восторженном состоянии» [2, с. 620]. Тот же мемуарист вспоминал об этом времени: «Широко и шумно текла жизнь в Тифлисе; привлеченные богатыми потребителями, целиком переносились туда из Парижа роскошные магазины. <...> Тифлис был переполнен громкими именами, прелестными женщинами и иностранцами всех национальностей. Традиционное барство представителей туземной аристократии, их типичные лица, чуть не вчера вырвавшиеся из облаков порохового дыма, покрытые золотом и бриллиантами женщины – все это, окруженное зеленью тропических растений, под тропическим синим небом, невольно кружило голову и казалось нескончаемым, опьяняющим сном» [Там же]. Театрализованные увеселения, о которых заходит речь у Толстого, также упомянуты в мемуарах очевидца: «У князя Бярятинского бывали по четвергам вечера, которые хотя и оканчивались в одиннадцать часов, но проводились чрезвычайно весело и приятно. Граф Соллогуб прилагал все силы своей неистощимой фантазии, чтобы разнообразить их, и надо отдать справедливость его мастерству в этом деле; почти не было двух четвергов сходных между собою: то составлялся концерт любителей, то ставились живые картины, и в особенности эти последние производили художественное впечатление. . . » [Там же, с. 621-622].

Русский литератор В. А. Соллогуб в 1856 году по приглашению Бярятинского действительно приехал вместе с ним на Кавказ. Вспоминая этот эпизод своей жизни в известных мемуарах, он не без иронии показал путешествие молодого наместника к месту назначения: «Не сатрапом, а маленьким царьком плыл Бярятинский по Волге. В каждом прибрежном городе ему устраивались торжественные встречи, он произносил спичи, немножко ломался, немножко дурачился, но все это выходило кстати и привлекало к нему людей. Везд в Тифлис тоже состоялся с особенною торжественностью. . . » [3, с. 494-495].

Соллогуба Толстой лично знал по Москве и Петербургу, а в 1866 году тот заезжал к писателю в Ясную Поляну. Не исключено, что, встречаясь, они могли вспоминать Барятинского как общего знакомого и Соллогуб поделился с Толстым какими-то воспоминаниями о Тифлисе в 1856 году. Характеристика, которую он давал кавказскому главнокомандующему на страницах мемуаров, в известной степени близка описанию князя Федора Мещеринова в Первом начале произведения Толстого. «Все четыре брата Барятинские, – писал Соллогуб, – были красивы, но, разумеется, красивее и виднее всех все-таки был князь Александр. Кроме того, он имел очень тонкий и все разумеющий ум, большое изящество в приемах и мягкость (когда хотел, впрочем) в обращении, редкую способность угадывать или скорее взвешивать людей, и несколько поверхностную, но, тем не менее, довольно обширную начитанность» [Там же, с. 492]. В свою очередь, П. Николаев, искренне увлеченный личностью своего кавказского командира, тоже рисовал образ, близкий тому, который наметился у Толстого: «Для человека, любящего блеск атрибутов власти, хотя и пустой, но заманчивый, трудно было найти положение более приятное, чем то, в котором находился князь Барятинский в описываемую эпоху: он был молод, красив, носил громкое имя, над ним сиял ореол героя... у ног его с азиатским раболепством пресмыкалась пестрая, раззолоченная толпа, из приближенных царя; выше себя он не видел никого, сверстники ему завидовали, а все ниже стоящие наперерыв искали случая поступить к нему под команду. Да и прекрасная половина рода человеческого не совсем равнодушно глядела на молодого наместника, потому уже, что никогда не могла и не может оставаться равнодушной ко всякому блеску и побрякушкам» [2, с. 620].

Еще одним косвенным доводом в пользу того, что Толстой до некоторой степени использовал материал событий, происходивших на кавказском театре Восточной или Крымской войны, могут служить слова из приказа, возмущившего Щетинина на страницах незавершенного произведения: «...полковник Невировский – начальником штаба при войсках 2-й армии» [9, с. 152]. Не исключено, что это весьма отдаленный отзвук подлинного события – состоявшегося в 1856 году назначения генерала Александра Андреевича Неверовского (1818-1864) начальником Кавказского отделения Генерального штаба.

Работа Толстого над «Князем Федором Щетининым», несмотря на развернутые характеристики действующих лиц, психологическую разработку характеров и положений, остановилась на начальном этапе. Материала для того, чтобы судить о дальнейших намерениях писателя, здесь явно недостаточно. Возможно, Толстой действительно собирался показать на условном историческом фоне столкновение принадлежащих разным поколениям ярких характеров В. А. Перовского и А. И. Барятинского. Но более вероятно, что на материале относительно недавнего прошлого – событий, последовавших за окончанием Крымской войны, – писатель намеревался решить какие-то иные художественные задачи. Детальная разработка исторической части повествования в том и в другом случае могла быть оставлена им на будущее.

Вопрос о датировке произведения до настоящего времени остается проблематичным. На основании имеющихся данных уверенно связать содержание «Князя Федора Щетинина» с творческими планами Толстого рубежа 1877-1878 годов невозможно. Среди героев незавершенного романа о петровской эпохе, который замыслил писателем в 1872-1873 и 1879 годах, появляются несколько персонажей с фамилией «Щетинин» (цикл «Потешная война под Кожуховом»). Однако это еще не дает возможности говорить о том, что фрагменты «Князя Федора Щетинина» появились в один из этих периодов. Единственный надежный аргумент, все-таки позволяющий отнести работу над произведением к 1870-м годам, – характер бумаги, использованной в рукописях. Однако и в этом случае диапазон возможных датировок остается достаточно широким. Соответственно, нельзя с полной уверенностью судить о том месте, которое принадлежит этому произведению в ряду других незавершенных исторических замыслов писателя обозначенной эпохи.

Список источников

1. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М.: АН СССР, 1963. 695 с.
2. Николаев П. Воспоминания о князе А. И. Барятинском // Исторический вестник. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1885. Т. XXII. Декабрь. С. 618-644.
3. Соллогуб В. А. Воспоминания. М. – Л.: Academia, 1935. 654 с.
4. Толстая С. А. Дневники: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. 606 с.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Худож. лит., 1936. Т. 17. 807 с.
6. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Худож. лит., 1937. Т. 46. 574 с.
7. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Худож. лит., 1935. Т. 59. 387 с.
8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Худож. лит., 1953. Т. 62. 573 с.
9. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100-та т. М.: Наука, 2014. Т. 9. 774 с.

PROBLEM OF THE SOURCES OF THE UNFINISHED WORK "PRINCE FEDOR SHCHETININ" BY LEO TOLSTOY

Gulin Aleksandr Vadimovich, Doctor in Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
gulinimli@yandex.ru

The article is devoted to studying the real basis of one of the most enigmatic creative ideas of Leo Tolstoy – the unfinished work "Prince Fedor Shchetinin". The hypotheses about the time of writing, as well as historical sources of the fragment, expressed by the domestic experts in Leo Tolstoy's creative work of the XX century, are analyzed. The version about V. A. Perovsky and A. N. Baryatinsky as the prototypes of the main characters of the work is examined in a critical manner. The events at the Caucasus seat of the Crimean (Eastern) War of 1853-1856 are considered for the first time as a probable basis of the failed conception.

Key words and phrases: Leo Tolstoy; Fedor Shchetinin; Baryatinsky; Sollogub; Perovsky; era of Nicholas I; The Crimean War.